

О социализмѣ, совѣтскомъ и иномъ

«Кто хочетъ итти къ социализму по другой дорогѣ, помимо демократизма политическаго, тотъ неминуемо приходитъ къ незлѣпымъ и реакціоннымъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ смыслѣ, выводамъ».

Ленинъ: «За 12 лѣтъ». — СПб. 1908.

Въ старомъ словарѣ Литтрэ приведены 24 опредѣленія слова б о д ы. Сколько можно привести опредѣленій социализма?

Е. Д. Кускова напомнила недавно слова родоначальника «научнаго социализма» въ Россіи Плеханова, съ пристрастіемъ допрашивавшаго народовольцевъ: — «О какомъ социализмѣ вы говорите? Возьмемъ социализмъ Родбертуса... А социализмъ Фурье? А социализмъ Кабе? Мабли?...» Къ этимъ социализмамъ нетрудно прибавить и другіе, связанные съ именами Мура, Компанеллы, Оуэна, Сенъ-Симона, Маркса-Энгельса, Лассалля, Жореса.

Всѣ эти авторы, не исключая и самыхъ скептическихъ по отношенію ко всякимъ идеологическимъ надстройкамъ, вводили въ представленія о социализмѣ моментъ правовой, психологической, моральной, даже религіозной. Это самоочевидно въ распространеннѣйшемъ опредѣленіи социализма—строй чуждой эксплоатации чело в ѣ ка чело в ѣ ком ѣ. Это менѣе очевидно въ тривиальномъ опредѣленіи социализма, какъ — о б щ е с т в е н н ы е с р е д с т в ѣ и о р у д і и п р о и з в о д с т в а. Но и «обобществленіе», или изыятіе изъ частнаго оборота и упраздненіе права частной собственности, — тоже понятіе правовое!

Даже въ курьезномъ опредѣленіи Ленина: «социализмъ это электрофикація плюсъ совѣтская власть», — моментъ техническій (даже не экономическій!) восполненъ политико-правовымъ: совѣтская власть, или диктатура партіи профессиональныхъ революціонеровъ.

По нынѣшней официальной доктринѣ, то, что у марксистовъ называется «первой или низшей фазой коммунизма», «уже осуществленный въ СССР социализмъ», имѣетъ своей форму-

лой: «Отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его труду». «То же, что еще не осуществлено въ СССР и что должно быть осуществлено въ будущемъ», — «высшая фаза коммунизма», — будетъ имѣть своимъ господствующимъ принципомъ формулу: «Отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ» (См. докладъ Сталина о проэктѣ конституціи СССР. «Правда» № 325).

Нетрудно замѣтить, что представитель русскаго марксизма, въ сущности, только воспользовался обѣими, задолго до Маркса извѣстными и соперничавшими формулами социалистовъ-утопистовъ. Менѣе гуманную формулу онъ сообщилъ дисквалифицированному до ранга «низшей фазы коммунизма» — социализму; болѣе же гуманная приписана коммунизму. Но и та, и другая одинаково покоются на индивидуально-психологическомъ признакѣ и критеріи: на «способности» и «потребности».

Марксисты не-большевики въ этомъ отношеніи еще болѣе категоричны и выразительны. Каутскій уже полтора десятка лѣтъ тому назадъ (въ «Демократія или Диктатура») имѣлъ мужество заявить, что «строго говоря, не социализмъ составляетъ нашу конечную цѣль, а устраненіе всякаго рода эксплуатаціи и угнетенія, будутъ ли они направлены противъ какого-либо класса, партіи, пола или расы». И съ полной послѣдовательностью, подчиняя ближайшую цѣль болѣе отдаленной и болѣе высокой, онъ придавалъ домогательству социализма условный характеръ. «Если бы намъ доказали, что освобожденіе пролетаріата и человѣчества вообще или цѣлесообразнѣе всего можетъ быть достигнуто на основѣ частной собственности на средства производства, какъ это допускалъ Прудонъ, то мы должны были бы выбросить социализмъ за бортъ, насколько не отказываясь отъ нашей конечной цѣли. Мы обязаны были бы это сдѣлать какъ разъ въ интересахъ этой конечной цѣли».

Каутскій готовъ былъ отказаться отъ социализма, готовъ былъ перестать быть социалистомъ, — ибо абсолютнымъ для него было не требованіе объ упраздненіи частной собственности на средства производства, а освобожденіе пролетаріата и человѣчества.

И въ такомъ марксистски-выдержанномъ органѣ, какъ «Соціалистикъ», можно встрѣтить рѣшительный отказъ отъ утвержденія социализма, какъ только экономическаго порядка, имѣющаго наступить съ природной необходимостью. «Социализмъ немислимъ безъ «новаго человѣка», своимъ социальнымъ инстинктомъ такъ же отличающагося отъ человѣ-

ка капиталистической эпохи, какъ самъ капитализмъ съ его звѣриной «войной всѣхъ противъ всѣхъ», съ его индивидуалистическимъ эгоизмомъ, конкуренціей и классовой борьбой за существованіе, — отъ строя социальной гармоніи и солидарности, какимъ является (долженъ являться въ нашемъ представленіи) социализмъ» (Р. Абрамовичъ въ «С. В.» отъ 10 янв. 1936).

Не только новый строй, но и новый человекъ необходимы для того, чтобы получился социализмъ, или «строй социальной гармоніи и солидарности»... Что можетъ быть яснѣе и вѣрнѣе? И тѣмъ удивительнѣе встрѣтить въ томъ же «Соц. Вѣстникѣ» повтореніе сталинской нелѣпости о томъ, что «стабилизирующійся (въ Россіи) строй — строй первоначальной стадіи социализма» (О. Доманевская въ № 1-2 за текущій годъ)!

Одного признанія связанности социализма съ «новымъ человекомъ» и социальными инстинктами, чуждыми звѣриной борьбы за существованіе, достаточно для того, чтобы а priori и a limine отвергнуть за строемъ, стабилизировавшимся въ Россіи, качество и свойство социализма. Этого признанія достаточно и для того, чтобы а priori и a limine отвергнуть самую возможность введенія социализма. Поскольку никакому «Гиганту», «Комбинату» или «ГЭЗ»-у не дана еще способность изготовлять въ массовомъ масштабѣ новаго человека, нельзя и социализмъ завести или учредить путемъ декретовъ или технико-экономическихъ мѣропріятій.

Можно спорить о степени совпаденія во времени двухъ параллельныхъ процессовъ: не является ли ускореніе технико-экономическаго процесса условіемъ и гарантіей ускореннаго творчества «новаго человека», и наоборотъ? Возможно и болѣе глубокое сомнѣніе въ принципиальной осуществимости въ рамкахъ исторіи социальной гармоніи человечества: не являются ли радикальное перерожденіе человеческой природы и социальная гармонія своего рода «Синей птицей», за которой человечеству суждено вѣчно гоняться безъ того, чтобы когда-либо ее настичь и ею овладѣть? Не является ли социализмъ такой же регулятивной идеей социального освобожденія, какой въ отношеніи ко всѣмъ видамъ и формамъ освобожденія и, въ частности, къ политической демократіи является болѣе общая идея свободы?

Теоретически — и исторически — возможно различеніе формъ и видовъ освобожденія человека и общества. Социально-экономическое можетъ быть сопоставлено и противопостав-

лено, какъ особая модальность свободы, — политическому, національному, религіозному, освобожденію женщины и др. Но практически каждая изъ этихъ сферъ вліяетъ на другую и, отдѣленная отъ нея, обусловливаетъ, съ своей стороны, ея неудачу.

Опытъ XIX-го вѣка убѣдительно показалъ недостаточность одного политическаго, національнаго и религіознаго раскрѣпощенія. Упразднивъ сословныя привиллеги дворянства и духовенства, французская революція пріобщила къ «третьему сословію» новые слои, усилила и возвеличила буржуазію. Но различія въ «синей», благородной крови и неблагородной, въ наслѣдственномъ рангѣ, въ образованности, въ социальныхъ функціяхъ между «верхами» и «низами» съ революціей не исчезли. На мѣсто божественнаго права унаслѣдованныхъ по рожденію привиллегій утвердилось новое право унаслѣдованныхъ состояній, пріобрѣтавшихъ все большее значеніе въ судьбахъ страны, невзирая, часто, на ихъ непродуцируемость, праздность и социальную никчемность. Противорѣчія интересовъ, ненависть и презрѣніе трудящихся къ командующимъ господамъ положенія, и обратно, социальная борьба противостоящихъ другъ другу классовъ съ противоположными интересами и взаимно чуждыми взглядами и устремленіями, приняли болѣзненный характеръ.

Міровая война явилась производнымъ отъ капиталистическаго строя, приведшаго къ борьбѣ на уничтоженіе конкурирующихъ капиталистовъ въ каждой странѣ и къ борьбѣ національныхъ «капитализмовъ» другъ съ другомъ. Капитализмъ оказался главнымъ побѣжденнымъ въ міровой войнѣ. Выродившись въ откровенное, уже ничѣмъ неоправдываемое хищничество и спекуляцію, онъ не только обострилъ социальное неравенство и классовые антагонизмы, онъ утратилъ, вмѣстѣ съ вѣрой въ себя, и свою вѣковую устойчивость.

Правда, анонимныя общества уже давно пробили брешь въ индивидуально-капиталистическомъ хозяйствованіи. Картели и тресты давно уже проложили пути къ сокращенію предѣловъ свободной конкуренціи и «нормированію» рынка путемъ организованнаго вмѣшательства и соглашенія заинтересованныхъ лицъ и группъ. Государственные интересы все чаще вынуждали къ ограниченію суверенитета частной собственности а, иногда, и къ прямой экспроприаціи объектовъ собственности. Но когда, вмѣстѣ съ другими денежными системами, пошатнулся и рухнулъ англійскій фунтъ, — колонна капиталистическаго храма, по выраженію Люсьена Ромье, — сомнѣніе относительно устой-

чиности самого «храма» стало, можно сказать, всеобщимъ. После того какъ Англійскій банкъ (Англійскій банкъ!) «слопалъ» свой фунтъ, самъ Монтегю Норманъ, директоръ банка, допускалъ: еще шесть мѣсяцевъ капиталистическаго хаоса, и конецъ самому капитализму...

Что въ такихъ условіяхъ должны были чувствовать, думать и говорить не творцы, а жертвы этого хаоса? Анти-капиталистическія настроенія и тенденціи стали торжествовать по всей линіи — и въ доктринѣ, и въ жизни. На мѣсто выгоды и доходности выдвинулось требованіе удовлетворенія потребностей въ порядкѣ ихъ срочности и социальной необходимости. Былой либеральный капитализмъ оказался превзойденъ и растерялъ почти всѣхъ своихъ защитниковъ. Необходимость рационализаціи хозяйства и планового начала вошли прочнымъ элементомъ въ жизнь и сознаніе.

Извративъ социальныя задачи, которыми исторически онъ могъ быть оправдываемъ, капитализмъ пришелъ къ самоотрицанію. Дойти до признанія правды социализма онъ, конечно, былъ не въ состояннн. Но изблнчавшіяся социализмомъ ложь и зло капиталистической стихіи стали, можно сказать, общепризнаны. Социализмъ оказался оправданнымъ исторически и по существу въ своей критикѣ. Негативная его побѣда была несомнѣнна. А положительная, конструктивная?

*

**

Что «выводы» — или результаты, — къ которымъ привели Россію тѣ, кто, вмѣстѣ съ Ленинымъ и по его слову (см. эпиграфъ), «захотѣли итти къ социализму по другой дорогѣ, помимо демократизма политическаго», оказались «нелѣпы и реакціонны въ политическомъ смыслѣ», — это какъ будто уже не требуетъ больше доказательствъ. Даже Отто Бауэръ, все еще не рѣшившій для себя вопросъ: не является ли все происшедшее въ Россіи «неизбѣжнымъ развитіемъ всякой диктатуры, даже пролетарской», или для пролетарской общіе законы вырожденія диктатуръ не писаны, — и онъ, по его признанію, «вотъ уже годъ какъ сначала съ сомнѣніемъ, затѣмъ съ ужасомъ и, наконецъ, съ отчаяніемъ переживаетъ то, что Сталинъ натворилъ въ Россіи».

Но что и въ экономическомъ смыслѣ результаты, къ которымъ пришли большевики, идя путемъ диктатуры, не менѣе печальны, нелѣпы и реакціонны, — это продолжаетъ

многимъ казаться предвзятостью и несправедливостью. Это, къ сожалѣнію, все еще продолжаетъ требовать доказательствъ. Ибо не одинъ О. Бауэръ полагаетъ, что, хотя «въ лицѣ Сталина мы имѣемъ сейчасъ уже не пролетарскую, а самое большее — анти-капиталистическую диктатуру», тѣмъ не менѣе — «безмѣрно значеніе, которое Совѣтскій Союзъ исторически имѣлъ и еще сохранилъ, несмотря ни на что (!), для развитія пролетарской мощи и социализма». Для Бауэра продолжаетъ оставаться подъ вопросомъ: «является ли большевистскій путь вообще путемъ къ социализму?» и — «Воплощаетъ ли совѣтская диктатура волю рабочаго класса или же она насилуетъ его?» Не зная самъ, какъ на это отвѣтить, Бауэръ вваливаетъ отвѣтственность на Сталина: не онъ, Бауэръ, а — «Сталинъ виноватъ, что на этотъ вопросъ нельзя дать отвѣта».

Къ счастью, австро-марксистское, или извилисто-двойственное отношеніе къ большевистскому продвиженію къ социализму, все явственнѣе утрачиваетъ свой авторитетъ и убѣдительность. Все чаще появляются за послѣднее время свидѣтельства иностранныхъ наблюдателей и очевидцевъ, доказывающихъ, что большевистскій путь не привелъ ни къ росту «пролетарской мощи», ни къ «социализму». И не только наблюдатели со стороны, аристократы духа или рафинированные эстеты, какъ Андрэ Жидъ и Селинь, Паскаль и Эрбаръ, но и простые рабочіе, какъ французскій шахтеръ-туристъ Легэ, или на собственномъ опытѣ продѣлавшіе совѣтскую каторгу: 11 лѣтъ — французъ Ивонъ; 6 лѣтъ — американская еврейка, родомъ изъ Россіи, Сара Гранова; 3 года — американецъ Эндрю Смисъ; и др.

Всѣ они, естественно, интересуются социально-экономическимъ строемъ СССР и, въ первую очередь, — условіями, въ которыхъ живетъ совѣтскій рабочій: въ чемъ выражается его матеріальная и морально-политическая «пролетарская мощь». Прискорбно, но неотмѣнимо, что въ обозначившемся переломѣ передового общественнаго мнѣнія въ отношеніи къ совѣтской диктатурѣ едва ли не главную роль сыграло отталкиваніе не отъ безчеловѣчной жестокости и аморальности режима, даже не отъ насильственной «коллективизаціи» громаднаго большинства русскаго народа, крестьянства, а разочарованіе въ достиженіяхъ «гегемона» СССР — рабочаго класса.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ передовые круги Европы и Соединенныхъ Штатовъ готовы были все принять и все простить большевистской диктатурѣ, если въ итогѣ, несмотря на террористическій режимъ, могло получиться усиленіе матеріальной и моральной мощи пролетаріата. Только убѣдившись въ небла-

гополучи и рабочего класса, многие — в томъ числѣ и благоденствующіе снобы — взглянули открытыми глазами и по иному на все прочее творящееся въ Россіи и открыли для себя и для другихъ, что большевистскій путь ведетъ не къ социализму.

Всѣ новѣйшіе наблюдатели и очевидцы единодушно отищачаютъ невыносимое положеніе совѣтскаго рабочего. По официалнымъ даннымъ, скорѣе преувеличеннымъ въ сторону оптимизма, средній мѣсячный заработокъ рабочего въ 35 г. не превышалъ 170 р., что при стоимости килограмма чернаго хлѣба въ 1 р., равнялось 170 килогр. чернаго хлѣба въ мѣсяцъ. Въ 36-мъ году, по даннымъ совѣтской статистики, средній заработокъ рабочего поднялся до 190 р. въ мѣсяцъ, а стоимость хлѣба упала до 85 к. за килограммъ. Тѣмъ самымъ, при пересчетѣ на хлѣбъ, заработокъ повысился будто бы до 225 килограммовъ хлѣба.

На самомъ дѣлѣ этотъ расчетъ неправиленъ, потому что «средняя» вычислена путемъ прямого арифметическаго дѣленія общей суммы всѣхъ заработанныхъ платъ на число рабочихъ и безъ учета того, что дѣлимое возросло благодаря несоразмѣрному увеличенію заработковъ «верхушки» и пониженію покупательной способности громаднаго большинства трудящихся, подлиннаго «средняка»). Изъ номинальнаго заработка необходимо вычесть и удерживаемые ех officio членскіе взносы, подписки на займы и прочіе виды прямого обложенія, которые понижаютъ рабочій заработокъ на 15-21%. Но если брать реальный заработокъ совѣтскаго рабочего, даже въ высшемъ его официальномъ выраженіи, и сравнить его съ реальнымъ заработкомъ въ царское время, то окажется, что первый, примѣрно, въ три раза меньше второго. При старомъ режимѣ рабочій получалъ въ среднемъ около 30 р. въ мѣсяцъ, но и килограммъ чернаго хлѣба тогда стоилъ всего 5коп., что давало среднему рабочему за мѣсяцъ труда 600 килогр. хлѣба!

Ядовитый и ѣдкій авторъ «Путешествія вглубь ночи» справедливо формулируетъ создавшееся въ СССР положеніе: рабочій тамъ — суверень, царь; но царь этотъ голодаетъ!.. Царь и нищъ и голъ.

Пара башмаковъ стоитъ въ СССР 250 р., т. е. стоимость ея превышаетъ мѣсячный заработокъ средняго рабочего въ то

*) См. сводку «Советскій Рабочій», сдѣланную Б. Сувариннымъ въ новомъ, очень живомъ и поучительномъ двухнедѣльникѣ — «Nouveaux Cahiers» № 9.

время, какъ рабочій въ капиталистической Франціи можетъ на свой заработокъ купить 15 паръ башмаковъ! Костюмъ изъ шерсти стоитъ совѣтскому рабочему 2 мѣсяцевъ труда, тогда какъ французскій рабочій въ мѣсяцъ вырабатываетъ на 3 костюма. Чтобы купить фунтъ сахара, совѣтскій рабочій работаетъ полтора часа, часъ три четверти, тогда какъ англійскій рабочій, по даннымъ Ситрина, зарабатываетъ фунтъ сахара въ полчаса. И т. д.

Особенно поражаетъ — и возмущаетъ — наблюдателей огромное неравенство въ матеріальномъ положеніи трудящихся. Отъ прославленной когда-то «уравниловки» — всякій трудъ почтененъ и равноцѣненъ — не осталось и слѣда. Существуютъ до 80 различныхъ ставокъ. Прачка зарабатываетъ всего 50 р. въ мѣсяцъ; средній рабочій — 100-150 р.; стахановецъ — 1.200-1.500 р.; повсюду поспѣвающій спецъ, по совмѣстительству, — до 7 и 10 тысячъ; а особо удачливый дѣлецъ или литературныхъ дѣлъ мастеръ, — вроде горьковского мѣстоблюстителя Алексѣя Н. Толстого, — даже 20, 30 и больше тысячъ въ мѣсяцъ. Если отвлечься отъ крайностей, зарплата совѣтскаго рабочаго варьируетъ на 1.000-1.500 и больше процентовъ.

То же относится и къ пенсіоннымъ ставкамъ: отъ 25 до 80 руб. въ мѣсяцъ для рабочихъ и отъ 250 до 1.000 р. для совслужащихъ, — не учитывая различій въ ихъ дополнительныхъ «натуральныхъ» благахъ: въ пайкахъ, жильѣ, способѣ передвиженія и проч. При этомъ пенсія представляется не автоматически, а въ результатѣ длительныхъ хлопотъ и тщательныхъ анкетъ. По закону всѣ трудящіеся, физически или умственно, на заводѣ или въ полѣ, имѣютъ право на пенсію по достиженіи преклоннаго возраста. Фактически же во всемъ Союзѣ имѣются лишь 125 тысячъ человекъ, пользующихся этой пенсіей. Корреспондентъ «Нью Йоркскаго Таймса» Дени, приводя эту цифру, сопоставляетъ ее съ 2 миллионами стариковъ, пользующихся пенсіей въ Англии, и 2.391.000 пользовавшихся ею въ до-гитлеровской Германіи.

За комнату въ 15 кв. метровъ, въ которой послѣ 20 лѣтъ социалистическаго строительства вынуждена ютиться цѣлая семья, — рабочій платитъ отъ 12 до 15 р., если онъ зарабатываетъ 150 р. въ мѣсяцъ, и за ту же комнату взимается 40 р., если заработокъ достигаетъ 1.000 р. Такое неравенство имѣетъ только видимость выгоды для средняго рабочаго, ибо у него квартирная плата составляетъ 10% зарплаты, тогда какъ у болѣе состоятельныхъ она составляетъ всего 4%.

Если равенство еще сохранилось въ СССР, оно сказывается

въ уравненіи женщинъ съ мужчинами въ трудѣ, отъ котораго онѣ избавлены почти во всѣхъ не-соціалистическихъ странахъ. Работницы наравнѣ съ рабочими спускаются въ шахты для выполненія самыхъ тяжелыхъ, отвѣтственныхъ и рискованныхъ операций. На недоумѣнный и негодующій вопросъ французскаго углекопа Легэ, какъ это возможно, почему допускается женскій трудъ на днѣ колодна, — председатель профсоюза въ Горловкѣ Шмитъ спокойно замѣтилъ:

«— Предпочтительнѣе, чтобы онѣ тамъ трудились, нежели чтобы занимались проституціей!..»

Подземелье шахты или проституція, — такова дилемма, къ которой, по признанію коммунистовъ, сводится удѣлъ работницы на «родинѣ всѣхъ трудящихся».

Тому же Легэ, протоколировавшему всѣ свои встрѣчи и бесѣды съ совѣтскими заправилками, въ отвѣтъ на указаніе на невозможность низкую зарплату углекоповъ, пришлось услышать отъ директора совѣтскаго угленепромышленнаго треста: «Различія въ зарплатѣ необходимы, чтобы вызвать рвеніе (ardeur) въ работѣ... Н е с п р а в е д л и в о стремиться къ обезпеченію равнаго куска хлѣба всѣмъ. Коммунистическая формула: каждому по его заслугамъ, а не по его нуждамъ».

Какъ и во Франціи послѣ Блюма, рабочій въ СССР имѣтъ право на оплаченный 2-хнедѣльный отпускъ, — въ тяжелыхъ для здоровья отрасляхъ труда отпускъ удваивается. Оплата отпуска составляетъ 4% приходнаго бюджета рабочаго, тогда какъ обязательные вычеты сѣздаютъ 10% его заработка. Общее матеріальное положеніе таково, что многіе предпочитаютъ не пользоваться отпускомъ, а работать и въ отпускное время, лишь бы удвоить свой заработокъ, хоть на короткій срокъ. Такъ же обстоятъ дѣло и съ пенсіями для стариковъ. Многіе предпочитаютъ работать, невзирая на возрастъ, чтобы получить свои 100 р. въ мѣсяцъ, нежели, послѣ томительныхъ формальностей, выйти, наконецъ, на пенсію въ 25 или 50 р., которые не дадутъ возможности ни сносно жить, ни быстро умереть.

Рабочій день въ СССР пониженъ до 7 час., — въ шахтахъ и вредныхъ для здоровья отрасляхъ даже до 6 час. Работаютъ безъ перерыва и съ обязательствомъ выработать «норму». Недовыработка идетъ за счетъ зарплаты: рабочіе получаютъ «пропорціоноально выработкѣ», — пояснили Легэ и въ московскомъ мясокомбинатѣ, и на шахтахъ въ Горловкѣ. При введенной въ СССР «шестидневкѣ», 35-часовая рабочая недѣля (5 дней по 7 часовъ) требуетъ отъ совѣтскаго рабочаго все же

большей затраты труда, нежели 40-часовая рабочая недѣля отъ французскаго при обычной семидневкѣ. Даже не учитывая выпаденія въ СССР религиозныхъ и иныхъ праздниковъ, — въ СССР празднуются официально всего 2 дня въ году: 1-ое мая и 7-ое ноября, — экономія рабочаго времени составитъ приблизительно 50 час. въ годъ въ пользу труженника буржуазной Франціи*). Легко подсчитать, что совѣтскій углекопъ работаетъ на 200 часовъ, или на 30 рабочихъ дней въ году больше, чѣмъ французскій..

Оборвемъ нашу краткую характеристику матеріальныхъ условий «пролетарской мощи» въ СССР, чтобы столь же кратко коснуться морально-политическихъ условий, общихъ совѣтскому рабочему со всѣмъ прочимъ населеніемъ Россіи.

Какъ и всякій совѣтскій житель, рабочій не въ правѣ ни говорить что думаетъ, ни молчать о томъ, о чемъ не думаетъ или къ чему относится несочувственно. Онъ долженъ проявлять активность — говорить и молчать, веселиться и печалиться — въ соответствии съ видами и предназначеніями власти. «Въ Россіи опасно быть грустнымъ», — свидѣтельствуетъ Андра Жидъ въ своихъ «Ретушахъ», или поправкахъ, къ «Возвращенію изъ СССР», гдѣ онъ еще находилъ одно «несомнѣнное» и огромное совѣтское достиженіе: отсутствіе эксплоатаци. челоѣка челоѣкомъ. Грустный видъ въ СССР — подозрительнъ, заставляетъ предполагать крамолу: грустенъ — значитъ недоволенъ декретированной счастливой и веселой жизнью! «Въ Россіи жалобы неумѣстны», продолжаетъ тотъ же Жидъ, открывшій, наконецъ, давно открытую Америку: «для жалующихся мѣсто — Сибирь»; а то и дальше...

Жаловаться на свою долю совѣтскій рабочій не можетъ ни въ Россіи, ни за ея рубежомъ. Онъ не въ правѣ легально эмигрировать. Покушеніе на оставленіе «отечества трудящихся» карается, по декрету 8 іюня 32 г., смертной казнью. Осуществившій же свое намѣреніе подставляетъ подъ жесточайшія репрессаліи родныхъ и близкихъ. И на время совѣтскій рабочій не въ правѣ покинуть СССР безъ спеціального разрѣшенія: статистика посѣтителей парижской выставки зарегистрировала пріѣзжихъ, изъ всѣхъ странъ міра, въ томъ числѣ и изъ странъ «тоталитарной» диктатуры, кромѣ — «Одной шестой».

*) Расчетъ очень простъ: при 52 семидневныхъ рабочихъ занятъ 40 час. \times 52 = 2.080 час. въ годъ; а при 61 «шестидневкѣ» (365 дн. : 6) онъ занятъ въ году 35 час. \times 61 = 2.135 рабочихъ часовъ.

Въ смыслѣ прикрѣпленія къ странѣ и мѣсту жительства, совѣтскій рабочій раздѣляетъ общую судьбу всего подсовѣтскаго населенія. Что его отличаетъ, это — прикрѣпленіе къ «орудіямъ производства» и мѣсту труда, къ заводу или мастерскоу. Съ февраля 31 г. совѣтскій рабочій прикрѣпленъ къ трудовой книжкѣ, какъ военно-обязанный къ свидѣтельству объ отношеніи къ воинской повинности. Трудовая книжка обязательна и слѣдуетъ за совѣтскимъ рабочимъ, какъ неразлучная съ нимъ тѣнь. Въ нее вносятся всѣ свѣдѣнія необходимыя власти для бдительнаго и неустаннаго учета и надзора. Всѣ совершаемые рабочимъ проступки слѣдуютъ за держателемъ книжки, какъ мстительныя фуріи, препятствующія ему сплошь да рядомъ найти новую работу и заработокъ.

Къ трудовой книжкѣ съ декабря 32 г. прибавился старый знакомый — паспортъ. Все отличіе новаго отъ документа царскаго времени — въ томъ, что, помимо личнаго и семейнаго положенія, въ немъ регистрируется и социальное происхождение, и партійно-политическое прошлое. Паспортъ и трудовая книжка зачастую наглухо закрываютъ доступъ на заводъ и фабрику.

За неоправданный пропускъ рабочаго дня, какъ и послѣ троекратнаго оштрафованія за опозданіе на работу, совѣтскій рабочій рискуетъ быть уволеннымъ, согласно ноябрьскому декрету 32 г., какъ дезертиръ труда и саботажникъ-вредитель. Увольненіе влечетъ за собой и утрату крова, такъ какъ заводскіе бараки и фабричныя казармы находятся въ вѣдѣніи и на учетѣ администраціи. Лишенный работы и крова лишается и льготъ по харчеванію, — «воды и огня». Отмѣтка въ трудовой книжкѣ о причинѣ увольненія можетъ фатально обречь на бродяжничество и нищество, тюрьму и гибель.

Для нѣкоторыхъ категорій рабочихъ условія дисциплины — сугубо суровы. Нарушеніе дисциплины на транспортѣ карается 10-лѣтнимъ лишеніемъ свободы; оно можетъ повлечь за собой, по декрету 23 января 31 г., и «высшую мѣру». Именно на этомъ «легальномъ» основаніи и производятся сейчасъ массовыя разстрѣлы несчастныхъ желѣзнодорожниковъ.

Смерть грозитъ рабочему и за незаконное присвоеніе перевозимыхъ товаровъ — собственность государства, колхозовъ, кооперативовъ (декретъ 7 августа 32 г.). И возрастъ не спасаетъ дѣтей рабочаго: достигшіе 12 лѣтъ уже подлежатъ разстрѣлу, въ силу декрета 7 апрѣля 35 г., за кражу чужой и «священной» социалистической собственности — государства или колхозовъ. Только что минулъ пятилѣтній «юбилей» этого декрета, и «Правда» отмѣтила его «громадную историческую

роль». Прокуроръ Вышинскій обѣщаетъ, что «законъ будетъ дѣйствовать и впредь», хотя и признаетъ, что въ прошломъ — «троцкистско-бухаринскіе отщепенцы» и «пашуканисовскіе вредители умышленно неправильно примѣняли законъ 7 августа, стараясь этимъ вызвать недовольство и озлобленіе противъ правительства и партіи»...

Въ принципѣ или въ теоріи рабочей — хозяинъ всего російскаго достоянія, и отстаивать ему свои права обычными во всемъ мѣрѣ средствами, путемъ стачекъ, было бы равносильно забастовкѣ противъ самого себя. Во избѣжаніе такой нелѣпости и абсурда совѣтское законодательство ставитъ подъ уголовный запретъ стачки и всякую приостановку работы рассматриваетъ и караетъ, какъ дѣяніе контръ-революціонное и анти-совѣтское, вредительское по отношенію къ рабоче-крестьянскимъ интересамъ.

Совѣтскій пролетаріатъ не знаетъ сейчасъ бича капиталистическаго строя — безработицы. Въ безкрайней, «на шесть морей», и непроѣзжей Россіи на долгіе годы обезпечена нужда въ рабочихъ рукахъ. Совѣтская власть упразднила биржи труда и вмѣстѣ съ ними вспомоществованіе безработнымъ. Но отсутствіе безработицы еще не означаетъ и отсутствіе безработныхъ, бездомныхъ и нищенствующихъ, — въ частности, безъ призорныхъ дѣтей.

Совѣтскій рабочей не обладаетъ неотчуждаемымъ правомъ на трудъ. Онъ не можетъ требовать, чтобы ему предоставили возможность работать и жить. Трудъ въ нынѣшней Россіи сталъ орудіемъ управленія, *instrumentum regni*: трудъ даютъ и трудъ отнимаютъ въ зависимости отъ благонадежности трудящагося.

Человѣкъ работаетъ въ СССР, какъ рекрутъ въ арміи, — и онъ остается рекрутомъ всю жизнь; кромѣ надеждъ на будущее, у него нѣтъ ничего, — замѣчаетъ Селинъ...

Въ СССР нѣтъ безработицы. Но можетъ ли она быть въ казармѣ или тюрьмѣ?

*
**

«Пролетарская мощь» въ СССР оказалась вымысломъ и фикціей. Это было большой неожиданностью и крупнымъ разочарованіемъ для многихъ, искренне увѣровавшихъ въ возможность «большевистскаго пути» къ социализму — черезъ пролетарскую диктатуру.

Установивъ, что совѣтскій пролетаріатъ немощенъ и мате-

риально, и морально, бывшие энтузиасты большевистскаго социализма отвернулись отъ него и отъ прославленія совѣтскаго строя обратились къ его обличенію. Ихъ представленіе о социализмѣ было искреннимъ, но примитивнымъ. Положеніе рабочаго класса служило для нихъ единственнымъ мѣриломъ социализма. При всей односторонности и примитивности такого представленія, въ его основаніи все же лежитъ правильное убѣжденіе, что социализмъ — для людей, а не обратно: не люди — и, можетъ быть, цѣлья поколѣнія — для социализма!

Справки съ реальностью, съ дѣйствительнымъ положеніемъ совѣтскаго рабочаго, было достаточно, чтобы эти социалисты-примитивисты — или «утилитаристы» — осудили нынѣшній «социализмъ» въ Россіи. Гораздо болѣе непрístupной оказывается позиція тѣхъ защитниковъ и сторонниковъ социализма — и совѣтскаго строя, которые подходятъ къ тому и другому доктринерски, или «идеологически».

Для нихъ высшая цѣнность не въ «освобожденіи пролетариата и человѣчества», а въ социализмѣ, какъ таковомъ. Социализмъ, какъ измѣненіе структуры существующаго экономическаго строя въ сторону «обобществленія», для нихъ не условенъ, не подчиненъ болѣе высокой цѣли и цѣнности, онъ себѣ доволенъ. Не важно какъ происходитъ или произошло «обобществленіе», существовавши лишь то, — чтобы обобществленіе произошло! «Обобществленіе» принимаетъ здѣсь очертанія идола или фетиша, ради котораго не жаль никакихъ «издержекъ производства», никакихъ жертвъ людьми или принципами. На всякій случай имѣются въ запасѣ штампованныя въ вѣкахъ утѣшенія: всякое движеніе впередъ требуетъ «жертвъ искупительныхъ»; революція не дѣлается въ «бѣлыхъ перчаткахъ», съ «незапятнанными ризами» и т. п. Если нынѣшнему поколѣнію трудящихся приходится тяжело, суждены страданія и преждевременная гибель, — тѣмъ осмысленнѣе его существованіе: умирая, оно можетъ привѣтствовать зарю новой и свѣтлой жизни для будущихъ поколѣній.

Морально - политическій споръ съ социалистами этого типа бесплоденъ и невозможенъ: нѣтъ общей почвы, общихъ понятій и цѣнностей, при которыхъ аргументы могли бы дойти другъ до друга и, встрѣтившись, столкнуться. Даже когда слова — социализмъ, свобода, трудящіеся — тѣ же, внутренній смыслъ ихъ разный.

Но безотносительно къ спору, на самомъ дѣлѣ, всякое ли изъятіе властью изъ частной собственности можетъ разсматриваться, какъ «обобществленіе» и плюсъ для социализма?

Всякое ли регулирование есть положительное вмѣшательство разума въ анархическій хаосъ и произволь частныхъ отношеній?

Подобное представленіе исходитъ изъ ошибочнаго отождествленія личнаго съ индивидуалистическимъ и частнаго съ эгоистическимъ: всѣ личныя отношенія въ хозяйственной сферѣ воспринимаются и расцѣниваются, какъ анти-коллективистическія, а все частное, — какъ противоположность и отрицаніе общественнаго. Съ другой стороны, видѣть социализмъ во всякомъ измѣненіи технико-правовой структуры экономического строя, во всякомъ огосударствленіи частной собственности, укрупненіи производства, централизациі распредѣленія, регулированіи обмѣна и т. д., — значитъ повторить ошибку, которую социалисты всѣхъ странъ въ теченіе многихъ десятилѣтій изобличали и за которую справедливо корили своихъ противниковъ.

Доктринальный либерализмъ въ свое время усматривалъ «социализмъ» и «посягательство» на естественную и свободную игру экономическихъ отношеній почти во всѣхъ социальныхъ реформахъ новаго времени: въ фабричномъ законодательствѣ, ограничивавшемъ рабочее время и устанавливавшемъ обязательный минимумъ гигиены, безопасности и проч.; въ подоходномъ налогѣ; въ социальномъ страхованіи; въ выкупѣ и строительствѣ государствомъ желѣзныхъ дорогъ; въ монопольномъ изготовленіи и торговлѣ спиртомъ, табакомъ, спичками и проч., и проч. Теперь ошибку доктринального либерализма повторяетъ доктринальный социализмъ, и вся разница лишь въ томъ, что поле наблюденія безмѣрно увеличилось и самые случаи всяческаго вмѣшательства, регулированія и «обобществленія» перестали быть «случаями», а стали обыденщиной.

Государственное предпринимательство и торговля давно уже вошли неотмѣнимымъ элементомъ въ новѣйшую социальную-экономическую дѣйствительность. И до войны ихъ знали даже экономически отсталыя капиталистическія страны: имѣла и царская Россія свою «государственную» сѣть желѣзныхъ дорогъ и свою «монополию» изготовленія и продажи питій. За время войны этотъ процессъ чрезвычайно развился и окрѣлъ. Однако, государственная или иная публично-правовая формы промышленной или торговой эксплуатаціи не утрачиваетъ свойственного всякой «эксплуатаціи» — поиска выгоды и барыша за счетъ и въ ущербъ эксплуатируемымъ.

И гитлеровская Германія установила максимумъ дивиденда въ промышленности; и она контингентировала сел.-хозяйствен-

ные продукты, которые должны сдаваться публично-правовымъ органамъ по нормированной цѣнѣ; наконецъ, сейчасъ Герингъ съ Гитлеромъ націонализировали всю желѣзодѣлательную промышленность въ Германіи, дабы хоть частично восполнить дефицитъ въ 50%, образуемый отходомъ всей высококачественной шведской руды къ Великобританіи. Приблизили ли эти мѣры третей рейхъ къ социализму? Съ точки зрѣнія доктринальнаго социализма и согласно завѣреніямъ наци — несомѣнно. По существу и реально — ни на йоту!

Или Японія, собирающаяся объявить народнымъ достояніемъ и «государствити» наиболѣе существенныя отрасли народнаго хозяйства: финансы, промышленность и торговлю для обезпеченія своего захвата сѣвернаго Китая и разгрома Шанхая. Можно ли утверждать, что путемъ осуществленія возвѣщенныхъ націонализаций Японія хоть на шагъ будетъ ближе къ социализму? Для свободолюбиваго социалистическаго сознания достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы его со всей рѣшительностью отвергнуть. Откровенно - милитаристическія цѣли и методъ партійно-групповаго и диктаторіальнаго осуществленія компрометируютъ въ корнѣ всякую націонализацию: не приближаютъ страну, народъ и человѣчество къ социализму, а отдалаютъ отъ него.

На примѣрѣ нынѣшней Германіи и Японіи совершенно наглядно дана наличность мнимаго или фальшиваго социализма. Какъ въ политической области Лассаль установилъ наличность мнимаго, или лже-конституціонализма, который является пріобрѣтеніемъ не для народа, а для абсолютизма, такъ и въ социальной области существуетъ лже-социализмъ, полезный для деспотической власти, но отнюдь не для подвластныхъ ей трудящихся.

Чувствуя наступленіе на свои прерогативы, власть въ былое время откупалась дарованіемъ мнимой конституціи: она отсрочивала этой цѣной часть своей капитуляціи. Аналогичную задачу пресѣдуетъ и «введеніе» мнимаго социализма, при которомъ социализмъ обращался изъ идеи-силы въ слово-силу. Сосредоточивая въ свихъ рукахъ ключевыя и инныя отрасли хозяйства, безотвѣтственная власть безмѣрно увеличиваетъ свои возможности давленія и контроля за трудящимися. Имъ зато предоставлено довольствоваться сознаніемъ, что ихъ трудъ и потъ идутъ на пользу не индивидуальнаго обогащенія, а служить коллективу и социализму, какъ ихъ дискреціонно понимаетъ и толкуетъ предрѣжащая власть.

Не приходится преуменьшать отталкиваніе, которое вызы-

васть въ трудящемся индивидуально-эгоистическая форма эксплуатаціи. Это не значитъ, что замѣщающій конкретно-даннаго хозяина анонимный и невидимый акціонеръ или облигаціонеръ присваиваетъ въ свою пользу продуктъ труда рабочаго въ меньшей мѣрѣ. Это лишь ослабляетъ силу и горечь прямого отталкиванія эксплуатируемыхъ. Однимъ психологическимъ удовлетвореніемъ, однако, не опредѣляется ихъ бытіе.

Совѣтская власть безпощадно уничтожила капиталистовъ и упразднила индивидуально-капиталистическую форму хозяйствованія. Но упразднила ли она систему капитализма или, иначе, является ли существующій нынѣ въ Россіи порядокъ въ какой-либо мѣрѣ социалистическимъ?

20 лѣтъ практиковала власть вмѣшательство во всѣ сферы хозяйственной жизни, осуществляла интенсивнѣйшее и экстенсивнѣйшее «регулированіе» хозяйства въ городѣ и въ деревнѣ: монополизировала деревню, организовала снабженіе предметами первой необходимости и т. д. Власть произвела «обобществленіе средствъ и орудій производства», передавъ ихъ въ руки техно-бюро-кратическаго аппарата, подконтрольнаго единой и единственной партіи съ безотвѣтственнымъ и несмѣняемымъ генсекомъ во главѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она вынуждена была сохранить, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и огрубить и ухудшить навыки, порядки и учрежденія капиталистическаго строя. Сохранилась возможность извлеченія прибыли и дивидендовъ, узаконенная денежной и платной системой съ обложеніемъ прибыли, налогомъ на зарплату, подоходнымъ налогомъ и проч., — какъ во всѣхъ иныхъ приличныхъ и неприличныхъ капиталистическихъ странахъ. Продукты не утратили своей «товарности», или способности служить предметомъ индивидуальнаго и групповаго обогащенія.

Самый рабочий трудъ не только не пересталъ быть объектомъ купли и продажи, но сталъ объектомъ спекуляціи: одно правительственное вѣдомство конкурируетъ съ другимъ въ стремленіи удешевить производство путемъ повышенія производительности труда («большевистскіе ударные темпы») и сниженія зарплаты, сдѣлщины и т. п. Измѣнилась технико-правовая форма и оболочка, характеръ и наименованіе хозяйственной эксплуатаціи трудящихся, но осталась безъ измѣненія или даже стала суровѣй, безжалостнѣй и безисходнѣ самая эксплуатация труда. Она не стала мягче даже въ отношеніи къ номинальному господину положенія — къ совѣтскому рабочему.

Сохранилось главное и опредѣляющее для не-социалистическаго хозяйственнаго строя — сохранился *salary* тъ,

или эксплуатація наемнаго труда, переставшаго быть свободнымъ даже въ той мѣрѣ, въ какой онъ былъ «свободенъ» въ условіяхъ классическаго капитализма. Трудъ сталъ, какъ выше было показано, орудіемъ государственнаго управленія, — т. е. тѣмъ, чѣмъ онъ пересталъ быть со времени прихода капитализма на смѣну рабству и крѣпостничеству.

Въ до-совѣтскую эпоху и до «соціализма въ наши дни» въ Германіи рабочій «свободно» располагалъ своимъ трудомъ. Въ этомъ былъ и минусъ, и плюсъ по сравненію съ предшествовавшими эпохами. Никто не могъ заставить рабочаго работать: юридически свободный, онъ вынуждался къ продажѣ своего труда лишь условіями рынка. Но, съ другой стороны, никто — ни власть, ни хозяинъ — не обезпечивали ему и того минимума существованія, который считалъ выгоднымъ предоставить своему рабу или крѣпостному плантаторъ и феодалъ.

Большевистскій соціализмъ заимствовалъ у различныхъ хозяйственныхъ системъ ихъ своеобразныя отрицательныя стороны, не всегда заимствуя ихъ положительныя. Это дало основаніе тому же Карлу Каутскому охарактеризовать хозяйственную систему совѣтской Россіи, какъ систему государственнаго рабства.

Стабилизовавшійся въ Россіи строй менѣе всего можно назвать социалистическимъ. Въ немъ борются и сочетаются элементы государственнаго капитализма и государственнаго рабства и крѣпостничества; точнѣе формулируя, это — строй государственнаго рабства и крѣпостничества, оживленныхъ и оснащенныхъ аппаратурой повоеннаго капитализма.

*

**

Въ опытѣ послѣднихъ десятилѣтій обнаружилось, что соціализмъ въ одно и то же время проще и сложнѣе, ближе и недоступнѣе того, какимъ онъ представлялся и рисовался раньше. Онъ ближе и проще, если довольствоваться негативной стороной, отождествлять соціализмъ съ антикапитализмомъ и сводить его къ технико-юридическому измѣненію хозяйственнаго строя. И онъ много сложнѣе и недоступнѣе, если понимать соціализмъ не какъ отрицаніе отрицательнаго (капитализма) только, а какъ положительное утвержденіе и творчество.

Соперничавшіе другъ съ другомъ «капитализмы» привели въ коненномъ счетѣ къ торжеству большевизма и фашизма. А

одинаково отрицающіе капиталистическую систему большевизмъ и фашизмъ привели къ частичной реабилитациі классическаго, или либеральнаго капитализма. И очень показательно, что въ нынѣшнихъ «планахъ», которые большею частью исходятъ отъ социалистовъ и синдикалистовъ, уже нѣтъ былаго программнаго требованія «глобальнаго» обобществленія всего народнаго хозяйства и всѣхъ орудій производства. «Планы» проводятъ различіе между хозяйствомъ крупнымъ, среднимъ и мелкимъ, между видами промышленности и торговли, между сельскимъ хозяйствомъ и инымъ. Они не только на словахъ озабочены судьбой среднихъ классовъ и ограждаютъ интересы всякаго труженика, хотя бы занятаго и не на заводѣ или фабрицѣ. «Планы» предусматриваютъ, конечно, націонализацию, но лишь опредѣленныхъ отраслей производства, рядомъ съ которыми остаются и частно-хозяйственные секторы, неотчужденные до того скрытаго отъ насъ времени, когда людская энергія будетъ приводиться въ движеніе не личными интересами.

Конечно, и сейчасъ позволительно мечтать, что черезъ 200-300 лѣтъ, когда «небо будетъ въ алмазахъ»,—и на землѣ люди станутъ настолько сознательными и жертвенными, что въ потѣ лица трудящіеся станутъ добродотливо и радостно отчуждать свой трудъ во имя всеобщей солидарности и міровой гармоніи. Но до этихъ блаженныхъ и райскихъ временъ, въ рамкахъ чело-вѣческой исторіи, социализму суждено быть и оставаться регулятивной, или ориентировочной идеей и жизненной тенденціей къ возможно болѣе полному социально-экономическому освобожденію. Это не отмѣняетъ того трагическаго факта, что поставленный передъ дилеммой: мнимый и фальшивый, но немедленный «социализмъ», «социализмъ» въ наши дни», или социализмъ, какъ жизненная, историческая тенденція, — измученный и обезкураженный труженикъ часто хватается за лже-социализмъ, жестоко за то позднѣе платясь.

Реальное приближеніе къ социализму, не какъ финальной стадіи чело-вѣческой исторіи, — кто знаетъ, чѣмъ кончится исторія?! — а какъ утвержденія принципа личности въ хозяйственныхъ откошеніяхъ, измѣняется мѣрой матеріальнаго благоденствія и духовной свободы большинства.

Социализмъ, или социальная демократія не выше и не ниже демократіи политической: будучи одинаково модальностями свободы, онѣ равны другъ другу.

Социализмъ — производное не отъ однихъ только экономическихъ условий, а отъ многосложнаго процесса и устремленія чело-вѣчества, — многообразны и формы его возможной экс-

плуатации и освобождения. Не отрицая классовъ и классовой борьбы, какъ факта соціальной дѣйствительности,—въ процесѣ преобразования дѣйствительности социализмъ можетъ руководиться лишь н а д классовыми интересами и устремленіями трудящихся.

Учитывая многообразіе (плюрализмъ) противоборствующихъ въ человѣкѣ и обществѣ началъ, социализмъ не можетъ не признать первенства этического начала, приоритета гуманистическаго надъ техническимъ, героическаго надъ природнымъ.

Таковъ и былъ социализмъ многихъ изъ утопистовъ и социализмъ Лассалля и Жореса. Таковъ былъ и социализмъ народничества. Въ томъ же направленіи развивается социализмъ и въ другихъ странахъ. Достаточно назвать новѣйшую эволюцію скандинавскаго социализма, социализма Англии и образовавшуюся въ юнѣ с. г. на конвентѣ въ Питсбургѣ Соціаль-демократическую федерацію Соединенныхъ Штатовъ.

М. В. Вишнякъ.